

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Сергей Соловьев

История России. Иван Грозный

«Просвещение»

Соловьев С. М.

История России. Иван Грозный / С. М. Соловьев —
«Просвещение»,

Сергей Михайлович Соловьев – один из самых выдающихся и плодотворных историков дореволюционной России. Его 29-томное исследование «История России с древнейших времен» – это не просто достойный вклад в сокровищницу отечественной и мировой исторической мысли, это практически подвиг ученого, равного которому не было в русской исторической науке ни до Соловьева, ни после. Книга «Иван Грозный» рассказывает о правлении первого русского царя Ивана IV Васильевича. Автор детально рассматривает как внешнюю и внутреннюю политику, так и процесс становления личности самого правителя. Это иллюстрированное издание будет интересно не только историкам, но и широким кругам читателей. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

© Соловьев С. М.

© Просвещение

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Михайлович Соловьев

История России. Иван Грозный

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том шестой. Текст приводится в сокращении

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2013

* * *

Глава первая

Правление великой княгини Елены

Право Елены на правление. – Смуты. – Заключение удельного князя Юрия. – Торжество Телпнева-Оболенского и заключение Глинского. – Бегство вельмож в Литву. – Бегство удельного князя Андрея из Старицы, проезд его в Москву и заключение. – Война литовская, переговоры и перемирие. – Дела крымские. – Происки Бельского в Константинополе. – Вмешательство Гиреев в дела казанские. – Мирный договор с Швецией и сношения с другими государствами. – Построение городов; вызов поселенцев из-за границы. – Меры против поддельных и резаных денег. – Дети боярские, живущие в Думе. – Онежская уставная грамота; грамота владимирским бобровникам. – Могущество Телпнева-Оболенского. – Смерть Елены.

Уже в Русской Правде находим, что по смерти отца опека над малолетними детьми, распоряжение имуществом их принадлежат матери; не говоря о древней Ольге, в позднейшее время мы видели важное значение матери семейства княжеского, ее влияние на дела не только при малолетних, но даже и при возрастных сыновьях; следовательно, по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством, естественно, принадлежали великой княгине – вдове Елене. В описании кончины Василия не говорится прямо о том, чтоб великий князь назначил жену свою правительницею; говорится только, что трем приближенным лицам – Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигоне – Василий приказал о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить. Последние слова о боярском хождении мы должны принимать как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами. В одной летописи говорится о возведении малолетнего Иоанна на престол таким образом: начали государя ставить на великое княжение в соборной церкви Пречистыя Богородицы митрополит Даниил и весь причет церковный, князья, бояре и все православное христианство; благословил его митрополит крестом и сказал громким голосом: «Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Добр, здоров будь на великом княжении, на столе отца своего». Новому государю пропели многолетие, и пошли к нему князья и бояре, понесли дары многие; после этого отправили по всем городам детей боярских приводить к присяге жителей городских и сельских.

Умиравший Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае возобновить старые притязания; эти притязания тем более были опасны, что вельможи также тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его. «Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мы крест целовали», – говорил умирающий братьям; боярам он счел нужным напомнить о происхождении своем от Владимира киевского, напомнить, что он и сын его – прирожденные государи; Василий знал, что в случае усобицы и торжества братьев должны повториться те же явления, какие происходили при деде его, Василии Темном, что тогда малюткам – детям его нельзя ждать пощады от победителя; и вот он обращается к человеку, по близкому родству обязанному и по способностям могущему блюсти за сохранением семьи великокняжеской: «А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына, великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрья, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

К. Маковский. Боярышня. 1880-е гг.

Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия вдове его донесли уже о крамоле. Летописцы оставили нам об этом деле разные свидетельства: по одним, Андрей Шуйский начал подговаривать князя Бориса Горбатого к отъезду, объявил, что князь Юрий зовет его, Андрея, к себе, и он хочет к нему ехать. Горбатый не только сам не согласился отъехать, но

и Шуйскому отсоветовал; тогда последний, видя неудачу и опасаясь последствий своей откровенности с Горбатым, решился предупредить его: явился к великой княгине и объявил, что князь Борис зовет его отъехать к князю Юрию, который также присылал и к нему с приглашением; но правда открылась, и князя Шуйского посадили опять под стражу. При этом бояре сказали правительнице, что надобно схватить и князя Юрия; Елена отвечала им: «Как будет лучше, так и делайте». Бояре сочли за лучшее отделаться заблаговременно от удельного князя, и Юрий вместе с своими боярами посажен был под стражу.

По второму известию, князь Юрий прислал дьяка своего, Третьяка Тишкова, к князю Андрею Шуйскому звать его к себе на службу. Шуйский сказал дьяку: «Князь ваш вчера крест целовал великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!» Третьяк отвечал на это: «Князя Юрия бояре приводили, заперши к целованию, а сами ему за великого князя присяги не дали: так что это за целование? Это невольное целование!» Андрей Шуйский сказал об этом князю Горбату, последний сказал боярам, а бояре – великой княгине. Елена отвечала им: «Вчера вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть; так вы по тому и делайте: если является зло, то не давайте ему усилиться». И по приказанию великой княгини Юрий был захвачен.

Какое же из этих двух известий мы должны предпочесть? Автор первого старается оправдать князя Юрия и обвинить во всем бояр и князя Андрея Шуйского; по его словам, «дьявол вложил мысль недобрую: только не схватить князя Юрия Ивановича, то великого князя государству крепка быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек и людей приучить умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под великим князем подыскивать государства. Дьявол вложил эту мысль, зная, что если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблении, продажах, убийствах». Последние слова показывают нам, что известие составлено в то время, когда уже бояре возбудили против себя всеобщее негодование граблениями, продажами и убийствами. Когда бояре еще только думали, как сказать великой княгине о необходимости схватить Юрия, дьявол вошел в князя Шуйского и побудил его, злодея, замыслить отъезд; у князя Юрия и на мысли этого не было, потому что он крест целовал великому князю: как было ему изменить? Многие рассказывали, что дети боярские и даже бояре говорили князю Юрию, чтоб ехал поскорей в Дмитров; Юрий отвечал им: «Приехал я к государю, великому князю Василию, а государь, по грехам, болен; я ему целовал крест, да и сыну его, великому князю Ивану: так как же мне крестное целование преступить? Я готов на своей правде и умереть!» Автор известия мог быть убежден в невинности князя Юрия, но, к сожалению, он не приводит ясных доказательств этой невинности; что князь Юрий крест целовал – это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйский также крест целовал; рассказы об ответе Юрия своим боярам и детям боярским также не имеют сильной убедительности. Второе известие имеет за себя обстоятельность рассказа: автор его знает, кого именно князь Юрий присылал к Андрею Шуйскому – дьяка Третьяка Тишкова; знает, чем дьяк оправдывал своего князя в нарушении присяги. Против этого известия приводят то обстоятельство, что Андрей Шуйский действительно был признан виновным и содержался под стражей до самой смерти Елены; но из второго известия нельзя нисколько заключать о невинности Шуйского; первое его возражение насчет недавней присяги Юрия нисколько еще не ведет к заключению, что он после не мог согласиться с доводом Тишкова, не убедился в выгоде отъехать к князю Юрию и не обратился с тем же предложением к Горбату; в этом отношении второе известие нисколько не противоречит первому: имея в виду только рассказать причину заключения князя Юрия, оно опускает подробности, относящиеся к другому лицу.

Нельзя думать, чтоб донос известного нам Яганова относился к замыслам князя Юрия в то время, когда еще последний был на свободе; гораздо вероятнее, что Яганов донес на дмитровских детей боярских князя Юрия, объявил, что они жалеют о своем князе, порицают московское правительство. Вот как он рассказывает о своем деле в челобитной: «Приказал ко мне

князя Юрия Ивановича сын боярский Яков Мещеринов, чтоб я ехал к нему в деревню для некоторого твоего государева дела; я сказал об этом Ивану Юрьевичу Шигоне, и Шигона мне отвечал: ступай к Якову, и если у него какое-нибудь дело государево поновилось, то ты вместе с Яковым пораньше приезжай в Москву: я об нем и об его службе представлю государю. Я приехал к Якову, и, что он мне сказал, я тотчас послал об этом грамоту с моим человеком к князю Михаилу (Глинскому) и к Шигоне, а сам остался у Якова, чтоб доведаться полных вестей о деле. Иван Шигона моего человека к нам отпустил с приказом ехать нам в Москву, а ты, государь, прислал за нами своих детей боярских и велел нас к Москве взять. Здесь, перед твоими боярами, Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышал, говорит, у княж Юрьевых детей боярских; а которые речи Яков мне сказывал о дмитровских делах, тех речей список я подал твоим боярам; Яков и те речи с меня снял». Донос оказался ложным, и Яганова заключили в оковы; это наказание за ложный донос показывает нам, что правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей и что если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания.

Из челобитной Яганова видно, кто были самые доверенные, самые влиятельные люди при дворе в первое время по смерти Василия; то были князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин: к ним двоим обращался Яганов с известиями о государевых делах. Таким образом, Глинский и в Москве достиг почти такого же положения, какое имел в Литве при Александре; но скоро явился ему опасный соперник – то был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, умевший приобрести особенное расположение великой княгини. Оболенскому и Глинскому стало тесно друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними; она выбрала Оболенского. Глинский был обвинен в том, что захотел держать государство вместе с единомышленником своим, Михаилом Семеновичем Воронцовым; это обвинение понятно для нас, ибо прежняя деятельность Глинского обличала в нем человека, не умевшего умерять свое честолюбие и выбирать средства для достижения своих целей; но для современников нужно было еще другое обвинение: и Глинского в Москве обвиняли в том, что он отравил великого князя Василия, точно так как в Литве обвиняли его в отравлении великого князя Александра; оба обвинения явно несправедливы. Что же касается до соумышленника Глинского, Воронцова, то это тот самый вельможа, с которым великий князь Василий помирился перед смертью.

В августе 1534 года был схвачен Глинский и посажен в той самой палате, где прежде сидел при Василии; он скоро умер. В том же августе двое людей из самых знатных родов: князь Семен Бельский и Иван Ляцкий – последний из рода Кошкиных – убежали в Литву; за соумышленничество с ними правительница велела схватить брата Семенова, князя Ивана Федоровича Бельского, и князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми. Бегство Семена Бельского и Ляцкого, заключение Ивана Бельского, Воротынского, Глинского и Воронцова, случившиеся в одно время, в одном месяце, могут навести на мысль, что все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского, – негодования, которого мы увидим сильные следы. В первые минуты по смерти Василия, когда правление твердого государя сменилось правлением слабой женщины, каждый при этой смене видел возможность для осуществления своих честолюбивых замыслов, и потому все охотно согласилось на скорые и решительные меры против замыслов удельного князя Юрия; но когда по прошествии некоторого времени увидели Телепнева-Оболенского занимающим первое место в управлении, когда, следовательно, многие обманулись в своих честолюбивых надеждах, то негодование и обнаружилось.

При заключении князя Юрия источники выставляют на первый план бояр, на решение которых Елена отдала это дело; при заключении второго дяди Иоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видим действующими саму Елену и князя Телепнева-Оболенского. Князь Андрей не был нисколько заподозрен в соумышленничестве с братом своим Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великом князе Василии; но, собравшись после этого ехать в удел, стал

припрашивать у Елены городов к своей отчине; в городах ему отказали. Андрей уехал с неудовольствием в Старицу; нашлись люди, которые передали об этом неудовольствии в Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что в Москве хотят его схватить. Елена отправила в Старицу князя Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Путятина внушить Андрею, что это слух ложный. Андрей не удовольствовался этим, но требовал от Елены письменного удостоверения и, получив его, приехал в Москву для личных объяснений с правительницею, причем митрополит Даниил был посредником; Андрей начал с того, что до него дошел слух, будто великий князь и она, Елена, хотят положить на него опалу; Елена отвечала: «Нам про тебя также слух доходит, что ты на нас сердиться; и ты б в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал, да объявил бы нам, что это за люди, чтоб вперед между нами ничего дурного не было». Князь Андрей не назвал никого, сказал, что ему так самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего против него не имеет. Как видно, в это время взята была с Андрея запись, в которой он клялся исполнить договор, заключенный им прежде с племянником, обязался не утаивать ничего, что ни услышит о великом князе и его матери от брата своего, от князей, бояр, дьяков великокняжеских или от своих бояр и дьяков, ссорщиков не слушать и объявлять о их речах великому князю и его матери. Эта запись особенно замечательна тем, что в ней впервые встречаем ограничение или, лучше сказать, уничтожение права удельных князей принимать к себе служивых князей, бояр и слуг вольных; Андрей обязался не принимать князей, бояр, дьяков, детей боярских и никого другого, если они отъедут от великого князя на его лихо. Но при всяком почти отъезде предполагалось неудовольствие отъехавшего, ибо какие выгоды могли заставить отъехать от великого князя к удельному? При всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего.

К. Маковский. Боярин с кубком. Этюд к картине «Поцелуйный обряд». 1895 г.

По возвращении из Москвы в Старицу Андрей подозрения и страха не отложил и продолжал сердиться на Елену, зачем не прибавила городов к его уделу. В Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бежать. Елена, по свидетельству летописи, не поверила этим доносам и послала звать Андрея на совет по случаю войны казанской; Андрей отвечал, что не может приехать по причине болезни, и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему известного нам Феофила, который, возвратившись, донес ей, что у Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели. Тогда Елена послала опять к Андрею

осведомиться о его здоровье, а между тем велела тайно разузнать, нет ли какого о нем слуха и почему он в Москву не поехал. Посланные донесли, что у старицкого князя есть лишние люди, которых обыкновенно у него не бывает, и эти люди говорить ничего не смеют; но, по словам других людей, Андрей затем притворился больным, что не смеет ехать в Москву. Елена послала вторично звать его в Москву, и вторично та же отговорка болезнью; послали в третий раз с требованием непременно приехать в каком бы ни было положении. С ответом Андрей отправил в Москву князя Федора Пронского, и этот ответ дошел до нас; здесь дядя государев, удельный князь, называет себя холопом великого князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он велит сказать ему: «Ты, государь, приказал к нам с великим запрещением, чтоб нам непременно у тебя быть, как ни есть; нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь неотложно; а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили».

Но не успел еще Пронский доехать до Москвы, как один из детей боярских Андреевых, князь Голубой-Ростовский, тайно ночью прислал к князю Телепневу-Оболенскому с вестию, что князь Андрей непременно побежит из своего удела на другой день. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ: крутицкого владыку, симоновского архимандрита и спасского протопопа, которые должны были сказать удельному князю от имени митрополита: «Слух до нас дошел, что ты хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, великого князя Василия и сына его; я благословляю тебя и молю жить вместе с государем своим и соблюдать присягу без всякой хитрости; да ехал бы ты к государю и к государыне без всякого сомнения, и мы тебя благословляем и берем на свои руки». В случае если Андрей не послушает митрополичьих увещаний, посланные должны были наложить на него проклятие. Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, московское правительство выслало к Волоку сильные полки под начальством двоих князей Оболенских – князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронского, перехватили на дороге; но в то время как брали Пронского, одному из его провожатых, сыну боярскому Сатину, удалось убежать. Он прискакал в Старицу и объявил своему князю, что Пронский схвачен и великокняжеские войска идут схватить самого его, Андрея; с Волока пришли вести, что московские полки уже тут. Тогда Андрей не стал более медлить и 2 мая 1537 года выехал из Старицы. Неизвестно, имел ли он прежде намерение броситься к Новгороду и поднять здесь недовольных; по всем вероятностям, единственным средством спасения в крайности представлялось для него бегство в Литву. Но теперь, при известии, что московские полки уже находятся в Волоке с целию отрезать ему дорогу к юго-западу, к литовским границам, Андрею не оставалось ничего более, как двинуться прямо на север, в новгородские области, причем он велел писать грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: «Князь великий молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать». Многие помещики из погостов действительно приехали к нему служить, но зато в собственных полках Андреевых открылась измена: с третьего стану, на Цне, побежало несколько детей боярских; одного из них успели перехватить и привели к князю, который отдал его под присмотр своему дворянину Каше; Каша велел связать руки и ноги перебежчику, посадить его в озеро в одной сорочке, выставя только голову на берег, чтоб не захлебнулся, и таким образом пытал, кто еще хотел бежать с ним вместе. Перебежчик назвал так много соумышленников, что князь Андрей велел потушить дело, потому что нельзя же было их всех перевешать, как говорит летописец. Зато редкою по тогдашним отношениям верною отличился воевода Андреев, князь Юрий Оболенский: еще прежде, заподозрив старицкого князя во враждебных замыслах, Елена потребовала, чтоб он послал на Коломну воеводу, князя Юрия Оболенского, с большим отрядом детей боярских. Узнавши о бегстве своего князя, Оболенский, по выражению летописца, начал Богу молиться и, утаясь от

воевод великокняжеских, выехал из Коломны, перевезся через Волгу под Дегулиным и соединился с Андреем на речке Березне. В Тухоле настиг Андрея другой Оболенский, князь Иван Овчина-Телепнев, товарищ которого, князь Никита, отправился укреплять Новгород. Здесь известия начинают разногласить, потому что одни летописцы держали сторону московского правительства, другие – сторону удельного князя. По московским известиям, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не захотел сражаться, завел переговоры с князем Оболенским, обещал бросить оружие, если тот даст ему клятву, что большой опалы на него не положат. Оболенский, не обославшись с Еленою, дал Андрею требуемую клятву и вместе с ним отправился в Москву; но Елена сделала ему строгий выговор, зачем без ее приказа дал клятву князю Андрею, велела схватить последнего и заключить в оковы, чтоб вперед такой смуты и волнения не было. По другим известиям, Оболенские получили в Москве от правительницы наказ звать князя Андрея, чтоб шел в Москву, а князь великий его пожалует и вотчин ему придаст. При встрече с московскими войсками князь Андрей хотел биться, но Оболенский первый стал посылать к нему с обещанием свободного возвращения в отчину; Андрей приехал в Москву в четверг, а схвачен был в субботу, следовательно, с ведома или без ведома правительницы, Оболенский дал клятву, в Москве не вдруг решились ее нарушить. Одинаковой участи с Андреем подверглась жена его и сын Владимир. Бояре его – князь Пронский, двое Оболенских, Иван и Юрий Андреевичи Пенинские, князь Палецкий, также князья и дети боярские, которые были в избе у Андрея и его думу знали, – были пытаны, казнены торговою казнию и заключены в оковы; тридцать человек помещиков новгородских, которые передались на сторону Андрея, были биты в Москве кнутом и потом повешены по новгородской дороге вплоть до Новгорода. Андрей не более полугода прожил в неволе.

К. Маковский. Боярин. 1880 г.

Должно было ожидать, что смутами и неудовольствиями во время малолетства московского великого князя прежде всего захотят воспользоваться в Литве. Мы видели, что здесь ошиблись в расчетах на смуты при восшествии на престол Василия и должны были закрепить за сыном Иоанна III не только все приобретения последнего, но даже уступить Смоленск. Срок перемирия исходил, и престарелому Сигизмунду вовсе не хотелось начинать войны с Василием; его паны радные, по обычаю, отправили посланника Клиновского к боярам московским с просьбою уговорить великого князя прежде истечения перемирия отправить к королю великих послов для заключения вечного мира или нового перемирия; если же великий князь не

согласится отправить послов своих к королю, то пусть пришлет в Литву гонца с опасною грамотою на послов королевских. Клиновский не застал уже в живых Василия, и новое правительство распорядилось, чтоб бояре отправили к панам своего посланника с опасною грамотою на больших послов литовских. В то же самое время новый великий князь отправил к Сигизмунду сына боярского Заболоцкого с извещением о смерти отцовою и о своем восшествии на престол. Заболоцкому велено было проведать: королю в Вильне долго ли быть, и послов своих к великому князю хочет он отправить или не хочет? В Москве имели причины беспокоиться насчет решения последнего вопроса, ибо известие о смерти Василия и восшествии малолетнего сына его возбудило надежды короля и его Рады, и вместо того, чтоб прислать своих великих послов по опасной грамоте, Сигизмунд прислал свою опасную грамоту на послов московских, велел сказать Заболоцкому: «Хочу быть с великим князем в братстве и приязни точно так же, как отец наш, Казимир король, был с дедом его, великим князем Иваном Васильевичем. И если он на этих условиях захочет быть с нами в братстве и приязни, то пусть шлет к нам своих великих послов, да чтоб не медлил». То же самое и паны радные отвечали боярам московским.

Великому князю опасная королевская грамота не полюбилась, потому что он к королю об ней не приказывал и послов своих, к королю отправлять не хотел. Перемирие истекло, сношения прекратились, и летом 1534 года гетман Юрий Радзивилл вместе с татарами опустошил окрестности Чернигова, Новгорода Северского, Радогоща, Стародуба, Брянска. Королю доносит, что в Москве господствует сильное несогласие между боярами и несколько раз едва дело не доходило между ними до ножей; во Пскове нет войска, одни только купцы, переведенные из Москвы, да черные люди-псковичи; но черные люди часто сходятся на вече; наместники и дьяки это им запрещают, не зная, что они там думают. Всего важнее был для короля приезд таких знатных беглецов, как князь Семен Бельский и Иван Ляцкий; королю писали, что если он хорошо примет этих беглецов, то многие московские князья и знатные дети боярские последуют их примеру; Сигизмунд послушался и богато наградил Бельского и Ляцкого. Осенью гетман Радзивилл отрядил в Северскую страну киевского воеводу Андрея Немировича и конюшего дворного Василья Чижа; они сожгли Радогощ, но с уроном должны были отступить от Стародуба и Чернигова; такую ж неудачу потерпел и князь Александр Вишневецкий под Смоленском.

Встречая сопротивление под городами, литовские воеводы не встречали московских полков в поле. В Москве боялись крымского хана больше, чем Литвы, и рать стояла под Серпуховом; кроме того, мешали сбору и движению войск внутренние смуты, бегство Семена Бельского и Ляцкого, опала Ивана Бельского, Воротынского, Глинского. Только в сентябре, как видно, явилась возможность действовать решительнее. Не ранее конца октября московская рать двинулась в Литву: большой полк вели князя Михайло Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский; передовой полк – боярин конюший, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский; из Новгорода вел полки князь Борис Горбатый для соединения с князем Михаилом. В свою очередь московские войска не встретили теперь королевских в поле и безнаказанно опустошили области литовские, не дошедши только 50 или 40 верст до Вильны; с другой стороны, князь Федор Овчина-Телепнев-Оболенский ходил из Стародуба до самого Новгорода литовского.

На другой год, узнавши о сильных приготовлениях короля к походу, из Москвы выступила рать: большой полк под начальством князя Василья Васильевича Шуйского и передовой – опять под начальством князя Ивана Телепнева-Оболенского. Эта рать имела целью добыть Мстиславль, а с другой стороны, Бутурлин с псковичами должен был поставить город в Литовской земле, на озере Себеже. Но литовское войско под начальством гетмана Юрия Радзивилла, Андрея Немировича, польского гетмана Тарновского и московского беглеца Семена Бельского вторглось опять в Северскую область, взяло Гомель и Стародуб; воевода князь Федор Телепнев-Оболенский со многими людьми взят был в плен. Литовские воеводы удовольствовались

взятием Гомеля и Стародуба, не пошли дальше; у них было много наемных иностранных ратников, пушкарей, пицальников и подкопщиков. У московских воевод не было подобных мастеров, и потому они, сожегши посад Мстиславский, не могли взять самого города и удовольствовались опустошением окрестностей; Бутурлин успел построить и укрепить новый город – Себеж. В начале 1536 года литовский воевода Андрей Немирович явился под ним; но пушки его действовали плохо, не причинили никакого вреда городу, били своих; под конец осажденные сделали вылазку и нанесли сильное поражение литовцам. После этого успеха московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посад Витебска, много волостей и сел повоевали, много людей в плен побрали, много богатства у литовских людей взяли и пришли домой все целы и здоровы. Кроме Себежа построены были на литовском рубеже Заволочье в Ржевском и Велиж в Торопецком уездах; Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были возобновлены.

Не такой войны ждали в Литве, где надеялись на внутренние смуты и совершенное бессилие правительства в малолетство сына Василиева; Сигизмунд обманулся в своих расчетах и хотел прекратить бесполезную борьбу. Еще в сентябре 1535 года приехал в Москву к князю Ивану Телепневу-Оболенскому Андрей Горбатый, человек брата его, князя Федора, находившегося в литовском плену. Горбатый объявил, что гетман Юрий Радзивилл говорил ему о желании короля быть в мире и братстве с великим князем и поручил ему говорить об этом в Москве всем боярам и дьякам. Бояре приговорили, что надобно Горбатого отпустить к князю Федору, к которому князь Иван пошлет свою грамоту. В этой грамоте Оболенский писал к брату, что, как ему хорошо известно, война начата не с московской стороны, что великий князь посылал к королю Тимофея Заболоцкого для мира и братства, а король вместо посла отправил рать свою на государеву землю. А государь наш, как есть истинный христианский государь, и прежде не хотел и теперь не хочет, чтоб кровь христианская лилась, а бусурманская рука высилась. Так если король желает того же и пришлет к нашему государю, то пересылками между государей добрые дела становятся.

Прошло четыре месяца. В начале февраля 1536 года в Москву дали знать из Смоленска, что к князю Оболенскому идет посол от гетмана Радзивилла. Посол подал опасную грамоту королевскую для проезда московских послов в Литву, а в грамоте к Оболенскому Радзивилл писал, будто пленник князь Федор Овчина-Оболенский бил челом, чтобы паны ходатайствовали у короля о мире, и король по их ходатайству посылает теперь опасную грамоту. Эта опасная грамота опять не понравилась в Думе великокняжеской; здесь рассуждали: «Пишут на князя Федора, что им князь Федор бьет челом; а князь Федор у них в руках, что хотят, то на него пишут»; приговорили, чтоб Оболенский послал к Радзивиллу вместе с его человеком своего человека с грамотою; приговорили также послать по прежним обычаям свою опасную грамоту на королевских послов; князю же Оболенскому потому нужно было послать своего человека, чтобы дело не порвалось.

Неизвестный художник. Гетман Юрий Радзивилл. XVII в.

В тот самый день, как Оболенский отпустил Гайку из Москвы, именно 27 февраля, литовские войска потерпели поражение под Себежом. В Литве понимали, что это событие не заставит московское правительство исполнить требование короля и потому придумали новое средство согласить требования обеих сторон. В мае Радзивилл прислал к Оболенскому новую грамоту, в которой писал: «Ты пишешь, чтобы наш господарь отправил своих послов к вашему господарю; но рассудите сами, кому приличнее отправить своих послов – нашему ли господарю, который в таких преклонных летах, или вашему, который так еще молод? Прилично вашему господарю послать к нашему, как к отцу своему. Но если б ваш господарь и отправил своих послов к нашему господарю, давши им полный наказ, то может легко случиться, что наш господарь не примет этих условий и послы возвратятся, ничего не сделавши; то же самое может случиться, если и наш господарь пришлет к вам в Москву своих послов. Для избежания этого посоветуй господарю своему, чтоб он отправил послов своих великих на границы, давши им полномочие; а король пошлет с своей стороны также великих послов с полномочием, так чтоб, не заключивши мира или перемирия, они не могли разъехаться».

Но это средство не помогло, особенно после себежского дела; великий князь говорил с матерью своею и с боярами, что отправлять к королю послов своих ему непригоже: прежде отец его никогда не посылал; и на съезде ему послов своих отправить также непригоже; много о том бывало речей, чтоб послам быть на съезде, и князь великий Василий всегда отговаривал. С этим решением Оболенский опять отправил человека своего к Радзивиллу; в грамоте своей он дал ему знать, что государи в сношениях своих друг с другом должны поддерживать достоинство государств своих, а не считаться летами.

Король сделал еще шаг вперед: в июле месяце прислал уже прямо от себя к Иоанну кревского наместника Никодима Техановского с прежним требованием присылки великих послов в Литву и с опасною грамотою на них. В Думе решили: Никодима отпустить, а к королю послать сына боярского доброго, для того чтоб с королем дела не порвать. И отправили в Литву сына боярского Хлуденева с опасною грамотою на королевских послов. Хлуденев возвратился уже в ноябре и объявил, что к Рождеству будут в Москву великие литовские послы – полоцкий воевода Ян Юрьевич Глебович с товарищами; Хлуденев сказывал также, что по дороге честь ему была велика, кормы давали вдоволь и чтили его. Ян Глебович явился к назначенному сроку, и переговоры открылись; они начались спором о том, кто первый начал войну – литовцы или русские. Послы говорили, что король посылал гетмана на северские города, потому что эти города его; король Казимир отдал их Шемякину и Можайскому, и те изменили и передали их Москве. Бояре отвечали, что северские города были к Киеву, а Киев – отчина великому князю; и о том речей спорных и бранных много говорили. Когда эти споры наскучили, послы сказали, что не для чего говорить о старине, а надобно найти доброе дело, как бы между государями мир устроить. Когда бояре согласились говорить о настоящем деле, то начался спор, кому первому излагать свои условия; бояре настояли, чтобы первые говорили послы, и те начали требованием Новгорода и Пскова. Бояре отвечали: «И прежде о том бывали речи, да плода не было и не будет». После многих спорных речей послы сказали: «Много поговоривши, как бы к концу приговориться» – и стали требовать мира, какой был между Казимиром и Василием Темным. Бояре назвали и это бесплодными речами. Послы стали говорить о мире Иоанна III с Александром, Василия с Сигизмундом; бояре, разбранившись с ними, пошли прочь, и великий князь велел послам ехать на подворье.

Во второе совещание послы приехали и долго сидели молча; наскучив их молчанием, боярин Михаил Юрьевич сказал: «Паны! Хотя бы теперь дни были и большие, то молчаньем ничего не сделать; а теперь дни короткие, и говорить будете, так все мало времени». Послы отвечали: «Мы уже говорим два дня и все по приказу господаря своего спускаем, а вы ни

одного слова не спустите; скажите нам, как ваш государь с нашим господарем в вечном мире быть хочет?» Бояре отвечали, что вечный мир может быть заключен только на тех условиях, на каких было перемирие между Сигизмундом и покойным великим князем Василием, т. е. чтоб Смоленск навеки был уступлен Москве; а которые дела случились уже при Иоанне, о тех вперед будет разговор (говоря). Послы сказали на это: «Положите на своем разуме: для чего господарю нашему своей отчины отступиться и в полную писать?» Бояре опять разобрались с послами, и те уехали на подворье. Третье совещание началось так же, как окончилось второе, многими спорными речами; наконец один из послов сказал: «Много говорим речей, а к концу не приговоримся; поискать бы нам среднего пути. Если государь ваш Смоленска отдать не хочет, то пусть даст господарю нашему другой какой-нибудь город, равный Смоленску величиною и богатством». Бояре с этим предложением пошли к великому князю и, возвратившись, отвечали именем Иоанна: «Отец наш ту свою отчину с Божьею волею достал и благословил ею нас; мы ее держим за собою и королю никак не уступим; а другой город за нее для чего нам давать? Смоленск – наша отчина изначала, от предков, и если наши предки случайно ее потеряли, то нам опять дал ее Бог, и мы ее не уступим». Видя, что нет возможности заключить вечный мир, послы предложили перемирие. Великий князь говорил с боярами: «Пригоже ли с королем взять перемирие на время?» И приговорил, что «пригоже для иных сторон недружных: Крым неведом, с царем Саип-Гиреем крепости еще нет никакой, и Ислам-Гирей – человек шаткий, нестойкий; а казанские люди изменили, и с ними еще дела никакого не сделано; для этого пригоже с королем взять перемирие, чтоб с теми сторонами поуправиться». В переговорах о перемирии главное затруднение состояло в том, что бояре требовали назад Гомель и свободы пленных, на что послы никак не соглашались, желая, чтобы война кончилась хотя каким-нибудь приобретением для Литвы; относительно же пленных представляли опять на вид, как и во времена Василиевы, что у короля в руках знатные пленники московские и ему невыгодно променять их на незнатных литовских. Послы требовали также, чтоб великий князь разорил городки, поставленные им во время войны на своей и на Литовской земле. Согласились, что пленным свободы не будет, что Гомель останется за королем, а новые городки, Заволочье и Себеж, – за великим князем; но после этого начались споры относительно границ волостям; тут уладиться не могли, переговоры рушились, послы уже откланялись великому князю, но перед самым отъездом сказали приставу: «Захотят бояре еще делать, и мы с ними хотим делать; а государевым здоровьем у нас хоромы теплы и кормов много, можно нам мешкать за государевыми делами, только бы дал Бог дело сделалось». Пристав сказал об этом боярам, послов опять позвали на совещание, и, наконец, уладилось, заключили перемирие на пять лет, от Благовещеньева дня 1537 до Благовещеньева дня 1542 года.

В Думе прямо объявили о необходимости заключить перемирие с королем, чтоб иметь возможность поуправиться с Казанью и Крымом. Одним из первых распоряжений правительства по смерти Василия было отправление сына боярского Челищева в Крым с известием о восшествии на престол Иоанна. Челищев должен был бить челом Саип-Гирею, чтоб пожаловал нового великого князя, учинил его себе впрок братом и другом, как великий князь Василий был с Менгли-Гиреем; посол должен был также сказать хану: «Если дашь шертную грамоту, то большой посол, князь Стригин-Оболенский, уже ждет в Путивле с большими поминками и немедленно пойдет к тебе».

В январе отправлен был Челищев в Крым, а в мае татары уже разоряли русские места по реке Проне, но были прогнаны. Скоро, однако, в самом Крыму встала усобица между ханом Саип-Гиреем и старшим по нем из Гиреев-Исламом; Орда разделилась между соперниками, и это разделение было очень полезно для Москвы. Ислам дал обещание королю стоять с ним заодно на всех неприятелей, следовательно, и на московского великого князя и в то же время прислал в Москву с предложением союза; но, разумеется, главная цель посылки была требование казны: «Которую казну ты к Саип-Гирею послал, ту казну пришли мне: меня царем учинил

турский султан, так ему надобно послать много поминков». В Москве действительно сочли за лучшее послать казну к Исламу, потому что нерасположение Саипа было слишком явно: он пограбил Челищева и всех его людей. Князь Стригин-Оболенский получил приказ ехать из Путивля в Крым к Исламу с большими поминками; очень вероятно, что Оболенский не хотел ехать в Крым, зная, что обыкновенно терпели там московские послы, и он искал всякого рода отговорок; он писал великому князю: «Ислам отправил к тебе послом Темеша; по этого Темеша в Крыму не знают и имени ему не ведают; в том Бог волен да ты, государь: опалу на меня положить или казнить меня велишь, а мне против этого Исламова посла, Темеша, нельзя идти». Великий князь положил на Оболенского опалу и вместо него велел идти в Крым князю Мезецкому. Начались пересылки с обычным характером: московское правительство требовало от Ислама шертной грамоты, деятельного союза против Литвы; Ислам требовал денег, жаловался, что великий князь не исполнил отцовского завещания, по которому будто бы Василий в знак дружбы отказал ему, Исламу, половину казны своей. В августе 1535 года, когда полки московские шли на защиту Северной стороны от литовцев, крымцы напали на берега Оки, были отражены, но отвлекли московские силы от Северной стороны и облегчили королевскому войску взятие Гомеля и Стародуба. Исламовых послов задержали за это в Москве, но хан отговорился, что воевал московские области не он, а Саип, и послов выпустили. С московскими людьми в Крыму поступали по-прежнему; в Москве, наоборот, старались избегать всякого повода к жалобе со стороны хана.

Скоро сношения с Крымом получили для Москвы новое значение. Московский отъездник, князь Семен Бельский, видя, что дела Сигизмундовы с Москвою идут вовсе не так хорошо, как ему хотелось и как он обещал в Литве, отпросился у короля в Иерусалим, но вместо того стал хлопотать в Константинополе, как бы поднять султана и крымцев на Москву в союзе с Литвою. С помощью турок и Литвы ему хотелось восстановить для себя не только независимое княжество Бельское, но и Рязанское, потому что он считал себя по матери, княжне рязанской, единственным наследником этого княжества по пресечении мужеской линии князей рязанских. По заключении уже мира с Москвою Сигизмунд получил от Бельского письмо с уведомлением, что султан взялся помогать ему, приказал Саип-Гирею крымскому и двоим пашам, силистрийскому и кафинскому, выступить с ним в поход; писал, чтоб и Сигизмунд высылал своих великих гетманов со всеми войсками в Московскую землю; просил также короля, чтоб дал ему лист, за которым бы мог безопасно приехать в Литву для своих дел и безопасно отъехать, и чтоб король позволил людям, живущим в имениях его, Бельского, в Литве, ехать к нему в Перекоп.

В. Шварц. Гонец. 1868 г.

Королю это письмо было вовсе не ко времени, ибо война с Москвою уже прекратилась; он отвечал Бельскому: «Ты отпросился у нас в Иерусалим для исполнения обета, а не сказал ни слова, что хочешь ехать к турецкому султану; когда сам к нам приедешь и грамоту султанову к нам привезешь, тогда и сделаем, как будет пригоже. Ты просишь у нас грамоты для свободного проезда в Литву, но ведь ты наш слуга, имение у тебя в нашем государстве есть, так нет тебе никакой нужды в проездной грамоте: все наши княжата и панята свободно к нам приезжают; слуг же твоих мы немедленно велели к тебе отпустить».

В Москву о происках Бельского дал знать Ислам-Гирей, выставляя при этом свое добротство к великому князю. Он писал, будто Саип-Гирей известил султана, что Ислам более не существует, и вследствие этой вести начались приготовления к походу с князем Бельским, но когда Бельский, приехав в Белгород, узнал здесь, что Ислам жив, и дал знать об этом султану, то последний сказал: «Если только Ислам жив, то нашему делу статья нельзя». Бельский присылал человека к Исламу с просьбою дать ему дорогу и быть ему товарищем, но Ислам не согласился. «И ты ведай, – писал Ислам великому князю, – что оттоманы – люди лихие; султан начинает это дело вовсе не для князя Бельского; он не думает о том, пригоже ли Бельскому княжение или непригоже, лишь бы только камень о камень ударил, лишь бы ему при этом что-нибудь к себе приволочь. Султан и нашей земле покоя не дает, с таким устремлением живет, не рассуждая, кто ему земли достает, от холопа или от рабы родился – ему все равно, лишь бы земли доставал».

Московское правительство благодарило Ислама за дружбу и послало ему дары с просьбою, чтоб выдал или убил Бельского; в то же время человек Бельского объявил московскому послу в Крыму, Наумову, что господин его возвратится в Москву, если великая княгиня его простит и даст ему опасную грамоту. На основании этого объявления послана была Бельскому опасная грамота такого содержания: «Мы тебя жаловать хотим и гнев свой отложим; вины твоей, которую ты сделал по молодости, памятовать не хотим, а еще и больше прежнего пожалуем тебя нашим великим жалованьем. Ведаешь и сам, что и прежде некоторые наши слуги ездили от нас к нашим неприятелям, опять назад приезжали и этим отечества своего не теряли, предки наши их жаловали и опять их в отечестве восстанавливали. И ты б ныне поехал к нам без всякого опасения».

Но Бельский почему-то не ехал, и московское правительство продолжало вести о нем переговоры и с Исламом, и с Саип-Гиреем, которому от времени до времени также отправляло посольства. Со стороны Саип-Гирея целию присылок в Москву были, разумеется, запросы: «Прислал бы ты нам платье, три шубы собольи, три шубы лисьи, три кречета да и сокольников бы прислал; а мы, сколько будет пригоже, братству твоему готовы; да прислал бы пять лисиц черных да пять черных зубов рыбьих». Сын Саипов писал: «Сколько прошенья нашего ни будет, ты б нам ни за что не стоял, чтоб тебе с отцом нашим в добром братстве быть». Гонцу отвечали от имени великого князя: «Когда будет у нас от брата нашего большой посол добрый человек, тогда мы с ним вместе отпустим своего большого посла, и, что у нас случится, то мы брату своему и пошлем; а что ты нам от царя говорил о нашем холопе Бельском, называл его Саип-Гирей нашим другом, то разве царь по незнанию о нем так приказал, назвал его нашим другом? Бельский – холоп наш, а не друг; и если брат наш захочет нам дружбу свою показать, то он бы его к нам прислал или велел бы его там убить; это была б нам от него первая дружба». Гонец отвечал: «Приехал Бельский от турецкого султана к хану, привез грамоту и рать подвигает на московскую украину; государю вашему другом и братом называет себя; и которые люди бывали на Москве и его знали, что он великого князя холоп, те его бранят и в глаза ему плюют; а которые люди молодые этого не знают, те к нему пристают и идти с ним хотят; ведь Орда, и в ней люди разные, один говорит одно, а другой – другое, а государь наш для людей так молвил: а он и сам знает, что Бельский – холоп». В одно время с гонцом Саиповым отпускали и гонцов Исламовых; последние сказали боярам: «Некоторые бояре говорят, чтоб князь великий был в дружбе и братстве с Саип-Гиреем царем, а Ислама оставил: ведомое дело, помирится князь великий с царем, то государю нашему Ислам-салтану плохо будет, но и великому князю добра никакого не прибудет же, так великий князь не потакал бы этим речам». Им отвечали, что великий князь Ислама оставить не хочет и у бояр об этом ни у кого ничего не слыхал и слышать не хочет.

Ислама не хотели оставить в Москве; Ислам был нужен: он обещал выдать Бельского. Но ему не удалось исполнить этого обещания: один из ногайских князей, друг Саип-Гиреев,

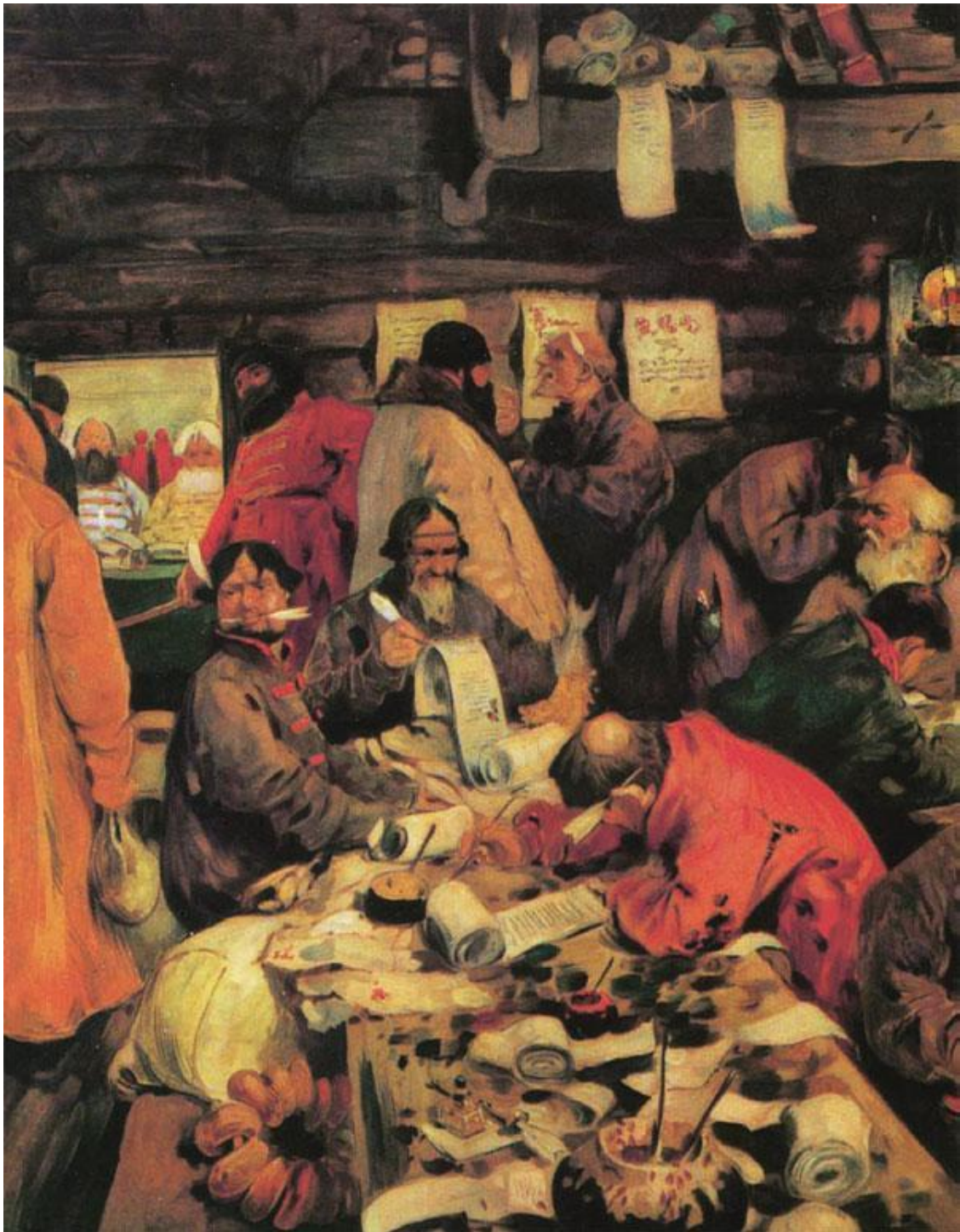
нечаянно напал на Ислама и убил его, захватив в то же время и Бельского, которого Саип выкупил у него по приказанию султана. Ставши один ханом в Крыму, Саип послал сказать великому князю московскому: «Если пришлешь мне, что посылали вы всегда нам по обычаю, то хорошо, и мы по дружбе стоим; а не придут поминки к нам всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надеясь на Бога, сами искать пойдем, и если найдем, то ты уже потом не гневайся. Не жди от нас посла, за этим дела не откладывай, а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не по-старому, с голою ратью татарскою, пойдем: кроме собственного моего наряду пушечного будет со мною счастливого хана (султана турецкого) сто тысяч конных людей; я не так буду, как Магмет-Гирей, с голою ратью, не думай, побольше его силы идет со мною. Казанская земля – мой юрт, и Сафа-Гирей – царь – брат мне; так ты б с этого дня на Казанскую землю войной больше не ходил, а пойдешь на нее войною, то меня на Москве смотри».

Опять с единовластием Саипа началось вмешательство крымских ханов в дела казанские, ибо мысль об освобождении Казани от русских и соединении всех татарских орд в одну или, по крайней мере, под одним владеющим родом была постоянною мыслию Гиреев, которую они высказывали, к осуществлению которой стремились при первом удобном случае. Мы видели, что в последнее время жизни великого князя Василия Казань спокойно повиновалась Москве в лице хана своего Еналея. Еналей перенес свои подручные отношения и к наследнику Василиеву: по-прежнему остался верен Москве. Но вследствие перемены ханов в Казани уже давно успели образоваться стороны, из которых каждая ждала удобного случая низложить сторону противную. В тяжелой войне Москвы с Литвою крымская сторона в Казани увидела удобный случай свергнуть московского подручника: составился заговор осенью 1535 года под руководством царевны, сестры Магмет-Аминя и князя Булата. Еналей был убит, и царем провозглашен Сафа-Гирей крымский. Но это было торжество одной стороны, другая оставалась; в Москву приехали с Волги козаки, городецкие татары, и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князья, мурзы и козаки, объявили об убийстве Еналея и прибавили: «Нас в заговоре князей и мурз с 500 человек; помня жалование великих князей Василия и Ивана и свою присягу, хотим государю великому князю служить прямо, а государь бы нас пожаловал, простил царя Шиг-Алея и велел ему быть в Москву; и когда Шиг-Алей будет у великого князя в Москве, то мы соединимся с своими советниками, и крымскому царю в Казани не быть». Получив эти вести, великая княгиня решила с боярами, что надобно Шиг-Алея освободить из заключения. В декабре Шиг-Алея привезли с Белоозера и представили великому князю; хан стал на колени и говорил: «Отец твой, великий князь Василий, взял меня, детинку малого, и жаловал, как отец сына, посадил царем в Казани; но, по грехам моим, в Казани пришла в князьях и в людях несогласица, и я опять к отцу твоему пришел на Москву. Отец твой меня пожаловал в своей земле, дал мне города; а я, грехом своим, перед государем провинился гордостным своим умом и лукавым помыслом. Тогда Бог меня выдал, и отец твой меня за мое преступление наказал, опалу свою положил, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мне жалованье, надо мною милость показал».

Великий князь велел царю встать, позвал его к себе поздороваться (карашеваться) и велел ему сесть с правой руки на другой лавке, потом подарил ему шубу и отпустил на подворье. Но Шиг-Алей бил челом, чтоб позволено ему было представиться и великой княгине. Елена держала совет с боярами, прилично ли быть у нее царю; бояре решили, что прилично, потому что великий князь мал и все правление государством лежит на ней. 9 января 1536 года был прием Шиг-Алея у Елены. У саней встретили его бояре – князь Василий Васильевич Шуйский и князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский с двумя дьяками; в сенях встретил его сам великий князь с боярами. Елену окружали боярыни; бояре сидели по обе стороны, как обыкновенно водилось при посольских представлениях. Шиг-Алей, войдя, ударил челом в землю и сказал: «Государыня великая княгиня Елена! Взял меня государь мой, князь Василий Ивано-

вич, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал меня, как отец сына, и на Казани меня царем посадил. По грехам моим, казанские люди меня с Казани сослали, и я опять к государю своему пришел: государь меня пожаловал, города дал в своей земле, а я ему изменил и во всех своих делах перед государем виноват. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мне отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государские дали мне видеть. А я, холоп ваш, как вам теперь клятву дал, так по этой своей присяге до смерти своей хочу крепко стоять и умереть за ваше государское жалованье; так же хочу умереть, как брат мой умер, чтоб вину свою загладить». Елена приказала ему отвечать: «Царь Шиг-Алей! Великий князь Василий Иванович опалу свою на тебя положил, а сын наш и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебе видеть. Так ты теперь прежнее свое забывай и вперед делай так, как обещался, а мы будем великое жалованье и бережение к тебе держать». Царь ударил челом в землю великому князю и великой княгине, его опять одарили и отпустили на подворье. Жена его, Фатма-салтан, била также челом, чтоб дали ей посмотреть очи государские; Елена приняла ее; у саней и по лестнице встречали ханшу боярыни; в сенях встретила великая княгиня, поздоровалась и ввела в палату, куда скоро вошел и великий князь; маленький Иван сказал ей: «Табуг салам», и карашевался, после чего сел на своем месте у матери, а у царицы с правой руки, бояре с ним по обе стороны, а около великой княгини-боярыни. В тот же день царица обедала у великой княгини; Иван с боярами обедал также в материнской избе; после обеда Елена подавала ханше чашу и дарила ее.

Но в то время как в Москве угощали и дарили Шиг-Алея, чтоб дать в нем опору противной крымцам стороне в Казани, война уже началась с Сафа-Гиреем. Московские воеводы дурно действовали наступательно; татары успели сжечь села около Нижнего, но отбиты были от Балахны, не имели удачи и в нападениях на другие места. Потом казанцы вторглись в костромские волости; стоявший здесь для защиты князь Засекин, не собравшись с людьми, ударил на татар, был разбит и убит; но приближение больших воевод московских заставило татар удалиться. Мы видели, что казанские дела, шедшие довольно плохо, преимущественно заставили московское правительство спешить заключением перемирия с Литвою. Успокоивши этим перемирием западные границы, правительство в начале 1537 года двинуло войска во Владимир и Мещеру; Сафа-Гирей явился под Муромом, сжег предместья, но города взять не мог и ушел; и таком положении находились дела, когда единовластие Саип-Гирея дало новое препятствие к успешному наступлению на Казань. Угрозы крымского хана произвели впечатление в Москве: послу отвечали, что хотя царь в грамоте писал многие непригожие речи, однако требования его будут уважены и если Сафа-Гирей казанский пришлет к государю и захочет мира, то государь с ним мира хочет, как пригоже. Саип-Гирей повторял: «Ты б к нам прислал большого своего посла, доброго человека, князя Василия Шуйского или Овчину, и казну б свою большую к нам прислал, а с Казанью помирился и оброков своих с казанских мест брать не велел; а пошлешь на Казань рать свою, и ты к нам посла не отправляй, недруг я твой тогда». В Думе рассуждали: «Не послушать царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдет на наши украины, то с двух сторон христианству будет дурно, от Крыма и от Казани». Приговорили: рати на Казань не посылать, Саип-Гиреева человека отпустить в Казань и с ним вместе послать сына боярского к Сафа-Гирею с грамотою; а в ответной грамоте Саип-Гирею великий князь писал: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею: захочет он с нами мира, то пусть пришлет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как дед и отец наш держали прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля-юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы: не того ли земля будет, кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявши свои ордынские юрты, приходили на Казанский юрт и брали его войнами, неправдами, а как дед наш милостию Божиею Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы, брат наш, помня свою старину, и нашей не забывал».

С. Иванов. В приказе московских времён. 1908 г. Фрагмент

Таковы были важнейшие внешние отношения в правление Елены. Кроме того, в 1537 году заключен был мирный договор с Швецией, по которому Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни Ливонскому ордену в войне с Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача беглецов с обеих сторон. Подтверждены прежние договоры с Ливониею. Продолжались сношения с Империею – неизвестно, впрочем, в чем они состояли. По отношениям к Польше поддерживалась пересылками приязнь молдавского воеводы Петра Степановича, врага Сигизмундова. Султан турецкий по-прежнему присылал грека в Москву для закупки разных товаров.

Внутри первым делом правительства было построение городов или крепостей; опасные нападения с трех сторон делали это необходимым. Уже упомянуто было о построении городов на литовских границах, даже на Литовской земле, о возобновлении старых, пострадавших во время войны. В 1535 году построен был город в Перми, на месте сгоревшего старого; в том же году поставлен деревянный город в Мещере, на реке Мокше, на месте, называемом Мурунза; в 1536 году били челом великому князю и его матери Костромского уезда волости: Корега, Ликурги, Залесье, Борок Железный, чтоб государь велел поставить город для того, что там волостей много, а от городов далеко; вследствие этой челобитной поставлен был Буйгород; на Балахне, у Соли, сделан город земляной для того, что посад велик, а людей много; поставлен город на Проне; сделан город Устюг, деревянный весь, новый; город Ярославль сгорел весь: в том месяце велено на старом месте ставить новый город; во Владимире большой пожар также повредил городскую стену; ее немедленно починили; так же поступлено и в Твери после больших пожаров; сделаны новые укрепления в Новгороде Великом и Вологде; в Москве, по мысли великого князя Василия, обведено каменными стенами место, получившее название Китая или Среднего города. По-прежнему заботились об умножении народонаселения выходцами из чужих стран: в 1535 году выехали из Литвы на государево слово триста семей.

Уже в последнее время княжения Василиева обнаружилось важное зло – обреза и подмесь в деньгах: искажение дошло до того, что у каждой деньги отрезывали по половине и в гривенку шло таких искаженных денег по 500 и больше, отсюда при каждой торговой сделке крики, брань, клятвы. В сентябре 1533 года, незадолго до смерти великого князя Василия, казнили в Москве за порчу денег многих людей: москвичей, смолян, костромичей, вологжан, ярославцев и из других городов, лили олово в рот, руки секли. В марте 1535 года Елена запретила обращение поддельных и резаных денег и приказала их переделывать. При великом князе Василии изображался на деньгах великий князь на коне с мечом в руке, а теперь стал изображаться с копьем в руке, и деньги оттого стали называться копейными.

Кроме этих распоряжений, выставляемых летописями, мы должны остановиться еще на некоторых явлениях, о которых впервые встречаем известие в правление Елены. Так, например, у нас утвердилось мнение, что до Иоанна IV присутствовали в Думе только бояре и окольниковичие и что только этот государь из противоборства влиянию знатных людей ввел в Думу третий, низший разряд членов, так называемых думных дворян; но при описании приема польского посла Никодима Техановского в правление Елены читаем: «Князь великий сидел в брусняной избе, а у него бояре, и окольниковичие, и дворецкие, и дети боярские, которые живут в Думе, и дети боярские прибыльные, которые не живут в Думе». Если под именем Думы мы будем здесь разуметь совет великокняжеский и слову жить придадим обыкновенное значение существования или присутствия, то должны будем признать, что еще прежде самостоятельного правления Иоанна IV были введены в Думу дети боярские. Конечно, мы никак не решимся утверждать, что это введение последовало именно в правление Елены, а не ранее.

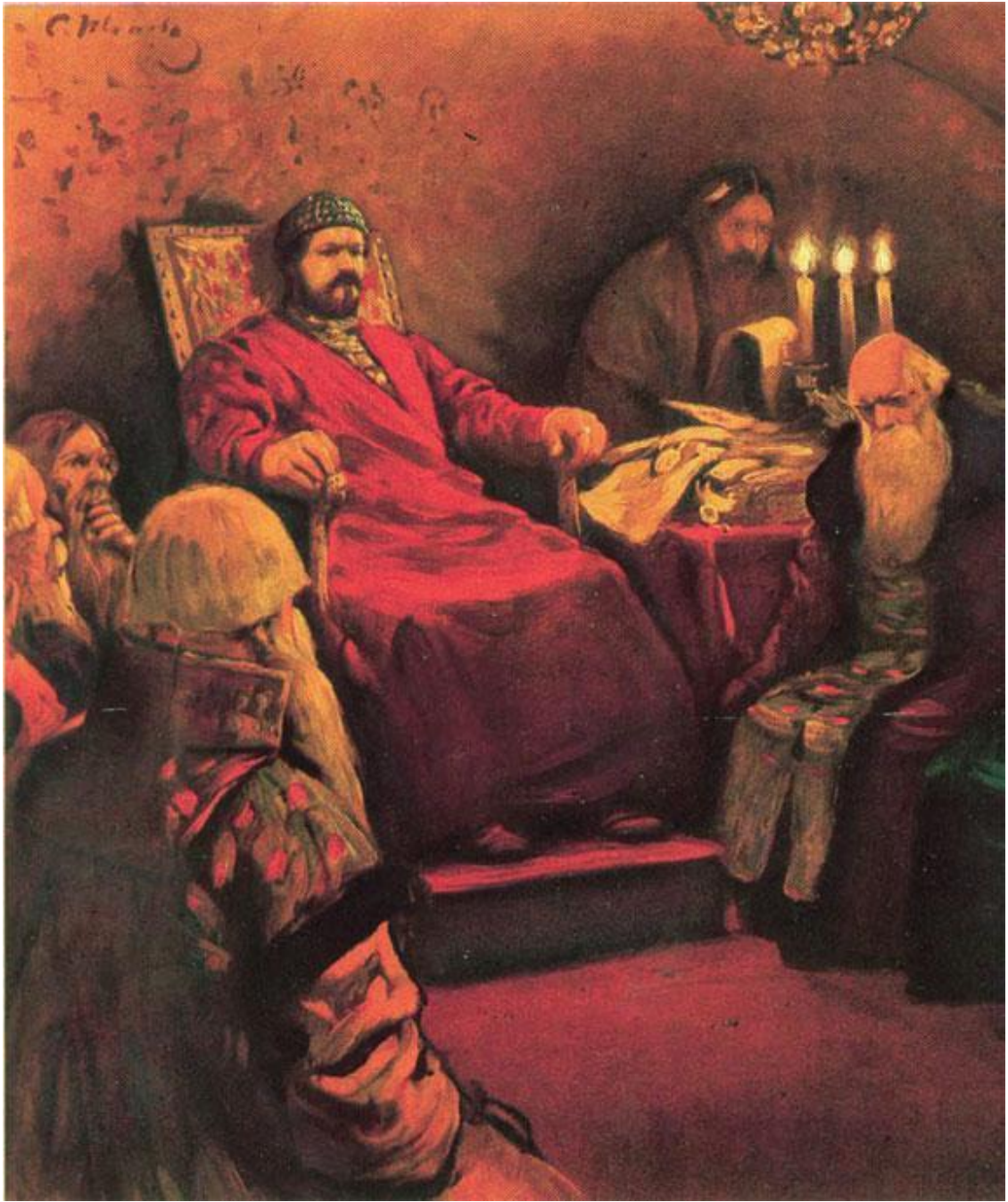
В 1536 году дана была уставная грамота старостам и всем людям Онежской земли, сходная с уставною грамотою Белозерскою Иоанна III и уставною артемоновским крестьянам Василия Иоанновича. В Белозерской говорится: наместнику, тиунам и доводчикам побора в стану не брать, брать им свой побор у соцкого в городе; кормы наместничьи и тиунские и доводчиковы поборы старосты берут по деревням да платят наместнику, его тиуну и доводчику на стану. Как в Белозерской, так и в Онежской грамоте говорится: «Если будет волостным людям и становым от наместника, тиуна, доводчика, от других наместничьих людей или посторонних какая обида, то они на обидчиков сами срок наметывают, когда им стать перед великим князем»; этого нет в Артемоновской грамоте. Согласно с Белозерскою, в Онежской грамоте говорится: ездить доводчику в волости без паробка и без простой лошади. В Белозерской говорится: тиунам и наместничьим людям на пир и на братчину незванным не ходить; в Онежской – тиуну и другим наместничьим людям на пир и на братчины незванным не ездить, кроме доводчика.

Онежанам дано право не пропускать к морю за солью белозерцев и вологжан, отнимающих у них промысел, пусть белозерцы и вологжане торгуют с ними в Каргополе. В 1537 году дана была уставная грамота владимирским бобровникам, в существенных частях сходная с известною нам грамотою удельного князя дмитровского Юрия; но есть и различия, например в Юриевой грамоте: доводчику у них проехать по деревням на весь год дважды, сам-друг с паробком, а лошадей с ним три; в Иоанновой – доводчику ездить по бобровным деревням одному, на одной лошади, без паробка и без простых лошадей.

Грамоты давались от имени великого князя Иоанна; при описании посольских сношений говорится, что великий князь рассуждал с боярами и решал дела; но это все выражения форменные. После этих выражений встречаем известия, что все правление было положено на великой княгине Елене; видим также, кто был главным ее советником: желая мира, литовский гетман Радзивилл отправлял послов к боярину конюшему, князю Овчине-Телепневу-Оболенскому; гонец казанский, желая отправить татарина домой, бил челом тому же боярину конюшему. После опалы Глинского, Бельского и Воронцова у Оболенского не было явных врагов и соперников; но могли ли равнодушно сносить первенствующее положение Оболенского люди, считавшие за собой более прав на такое положение? Пока жива была Елена, перемены нельзя было ожидать. 3 апреля 1538 года Елена умерла. Герберштейн говорит утвердительно, что ее отравили.

А. Рябушкин. Боярская дума. 1893 г.

С. Иванов. Боярская дума. 1903 г. Фрагмент

Глава вторая Правление боярское

Характер князя Василия Шуйского. – Гибель Телепнева-Оболенского. – Ссора Шуйского с Бельским и заключение последнего; казнь дьяка Мишурина. – Правление Ивана Шуйского. – Свержение митрополита Даниила и возведение Иоасафа. – Освобождение Ивана Бельского; правление его и митрополита Иоасафа. – Освобождение князя Владимира Андреевича Старицкого. – Торжество Шуйских. – Гибель Бельского. – Свержение митрополита Иоасафа и возведение Макария. – Правление Андрея Шуйского. – Удаление любимца государева – Воронцова. – Воспитание Иоанна и образование его характера. – Гибель Андрея Шуйского. – Опалы. – Принятие царского титула и женитьба Иоанна на Анастасии Романовне. – Пожары, в Москве. – Обвинения Глинских в волшебстве; восстание на них народа. – Сильвестр и Адашев. – Созвание выборных и речь царя на Лобном месте. – Значение правления боярского. – Дела литовские, крымские и казанские в это правление. – Бедствия от врагов внешних и внутренних. – Губные грамоты. – Новое известие о детях боярских, живущих в Думе. – Бегство Петра Фрязина.

Кто же из бояр более других должен был негодовать на первенствующее положение Оболенского, кто имел право явиться на первом месте, на которое только случайность возвела Оболенского? Мы видели, что в последнее время княжения Василия и в начале княжения сына его первое место между боярами занимал князь Василий Васильевич Шуйский. Мы видели, что этот Шуйский энергической мерой успел удержать Смоленск за Москву после Оршинской битвы; энергическая мера состояла в перевешании в виду литовского войска всех знатных смолян, державших сторону королевскую. Эта черта уже несколько знакомит нас с человеком и заставляет ожидать от него подобных же мер и при достижении личных целей. В седьмой день по кончине Елены схвачены были конюший – боярин князь Овчина-Телепнев-Оболенский и сестра его Аграфена, мамка великого князя, по совету князя Василия Шуйского, брата его Ивана и других. Оболенский умер в заключении от недостатка в пище и тяжести оков; сестру его сослали в Каргополь и постригли. Заключенные в правление Елены князь Иван Бельский и князь Андрей Шуйский были освобождены.

Освобождение Бельского не могло обещать Шуйским долговременного первенства. Бельские, Гедиминовичи, подобно Патрикеевым, не менее последних гордились своим происхождением и стремились к первенству; женитьба князя Федора Бельского на княжне рязанской, родной племяннице Иоанна III, конечно, не могла содействовать ослаблению этих притязаний. Старший сын князя Федора, Димитрий, несмотря на видное положение свое, оставался в стороне при всех движениях и переворотах, но не таковы были братья его – Иван и Семен. Мы познакомились с первым во время походов казанских при великом князе Василии; характер Семена обнаружился в его беспокойных движениях по смерти Василия. Князь Иван подвергся опале вследствие бегства брата своего и, конечно, не потому только, что был братом изменника. Теперь, освободившись из заключения, Бельский не хочет оставаться спокойным зрителем распоряжений Шуйского, хочет сам также распоряжаться. Так как главной заботой первенствующего боярина, Шуйского, и добивавшегося первенства Бельского было усиление своей стороны, повышение своих доброжелателей и, разумеется, родственников, то первое столкновение между Шуйским и Бельским необходимо должно было произойти отсюда. Встала вражда, говорит летописец, между боярами: князь Василий да князь Иван Васильевич Шуйские стали враждовать на князя Ивана Федоровича Бельского да на Михаила Васильевича Тучкова за то, что

Бельский и Тучков советовали великому князю пожаловать боярством князя Юрия Михайловича Голицына (Патрикеева), а Ивана Ивановича Хабарова – окольничеством, князя же Шуйские этого не хотели. На стороне Бельского был митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурин. Но сторона Шуйских была сильнее: Бельского снова посадили в заключение, советников его разослали по деревням. Знатные враги Шуйских подверглись только заключению или ссылке, зато горькая участь постигла дьяка Мишурина. Шуйские захватили Мишурина на своем дворе, велели княжатам, боярским детям и дворянам ободрать его, нагого велели положить на плаху и отрубить голову без государева приказания. Василий Шуйский скоро умер; брат его, Иван, наследовал его значение и продолжал тот же образ действия; Василий из врагов своего рода оставил нетронутым митрополита Даниила, Иван свергнул Даниила, на место которого был возведен игумен Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф Скрыпицын в феврале 1539 года. Но Иоасаф недолго оставался на стороне Шуйского: в июле 1540 года он выхлопотал у великого князя приказание освободить Бельского, который и явился во дворец. Шуйский и его сторона были застигнуты врасплох; в сердцах князь Иван перестал ездить к государю и советоваться с боярами. Правление перешло к Бельскому и митрополиту Иоасафу. Ходатайству митрополита и бояр летописи приписывают освобождение из темницы семейства удельного князя Андрея Ивановича – жены Евфросинии и сына Владимира; им позволили приехать во дворец видаться с великим князем, возвратили Владимиру отцовский удел, дали бояр и детей боярских. В то же время оказали милость и другому удельному князю, Димитрию, сыну Андрея Ивановича углецкого, племяннику Иоанна III, сидевшему около 50 лет в оковах: оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастного. Неравенство милости объясняется тем, что у Владимира Андреевича было много доброхотов, тогда как участь Димитрия никого уже не занимала.

П. Чистяков. Боярин. 1876 г.

В то самое время, как Бельский и митрополит обнаруживали свое влияние, возвращая удел опальному князю, против них составлялся страшный заговор: бояре, говорит летописец, вознегодовали на князя Бельского и на митрополита за то, что великий князь держал их у себя в приближении. Эти бояре были: князья Михайла и Иван Кубенские, князь Димитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, с ними княжата, дворяне и дети боярские многие и новгородцы Великого Новгорода – всем городом. Шуйский находился в это время во Владимире, оберегая восточные области от набега казанцев. Имя Шуйского может объяснить нам, почему в заговоре участвовали новгородцы всем городом: один из Шуйских был последним воеводою

вольного Новгорода; и мы увидим, что новгородцы останутся навсегда преданы этой фамилии. Московские заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его советникам срок – 3 генваря 1542 года, чтоб быть в этот день в Москву из Владимира; Шуйский привел к присяге многих детей боярских и ночью на 3 генваря приехал в Москву с своими советниками без приказания великокняжеского. В ту же ночь, со 2 на 3 число, Бельский был схвачен на своем дворе, и утром на другой день отослан на Белоозеро в заточение; но живой он был страшен и на Белоозере, и потому в мае месяце трое преданных Шуйским людей отправились на Белоозеро и умертвили Бельского в тюрьме. Двоих главных советников Бельского разослали по городам: князя Петра Щенятева – в Ярославль, Ивана Хабарова – в Тверь. Митрополит Иоасаф был разбужен камнями, которые заговорщики бросали к нему в келью; он кинулся во дворец; заговорщики ворвались за ним с шумом в спальню великого князя, разбудили последнего за три часа до свету. Иоасаф уехал на Троицкое подворье, но туда за ним новгородцев с неподобными речами; новгородцы чуть-чуть не убили митрополита, только Троицкий игумен Алексей именем св. Сергия да боярин князь Димитрий Палецкий успели удержать их от убийства; Иоасафа взяли наконец и сослали в Кириллов Белозерский монастырь, на его место возведен был в митрополиты новгородский архиепископ Макарий. Иван Шуйский недолго жил после этого; власть перешла в руки троих его родственников – князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского; первенствовал между ними князь Андрей. По свержении и смерти Бельского у Шуйских не могло быть соперника, сильного по собственным средствам; могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но доверенностью государя, теперь уже не младенца. Шуйские свестили, что расположением Иоанна успел овладеть Федор Семенович Воронцов – брат известного уже нам Михаила Семеновича. Трое Шуйских и советники их – князь Шкурлятев, князя Пронские, Кубенские, Палецкий и Алексей Басманов – схватили Воронцова, били его по щекам, оборвали платье и хотели убить до смерти; Иоанн послал митрополита и бояр Морозовых уговорить их, чтоб не убивали Воронцова, и они не убили, но отдали под стражу. Государь прислал опять митрополита и бояр к Шуйским сказать им, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться в Москве, то пусть пошлют их на службу в Коломну. Но Шуйским показалось это очень близко и опасно; они сослали Воронцовых в Кострому.

К. Маковский. Нянька Ивана Грозного. 1876 г.

Иоанну исполнилось уже тогда 13 лет. Ребенок родился с блестящими дарованиями; быть может, он родился также с восприимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою, но, без сомнения, эта восприимчивость, страстность, раздражительность если не были произведены, то, по крайней мере, были развиты до высшей степени воспитанием, обстоятельствами детства его. Известно, что ребенок даровитый, предоставленный с раннего детства самому себе и поставленный при этом в затруднительное, неприятное положение, развивается быстро, преждевременно во всех отношениях. По смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах, которые употребляли его только орудием для своих

корыстных целей; среди эгоистических стремлений людей, окружавших его, Иоанн был совершенно предоставлен самому себе, своему собственному эгоизму. С трех лет был он уже великим князем, и хотя не мог править государством на деле, однако самые формы должны были беспрестанно напоминать ему его положение; необходимо стоял он в средоточии государственной деятельности, в средоточии важных вопросов. Перед его глазами происходила борьба сторон: людей к нему близких, которых он любил, у него отнимали, перед ним наглым, зверским образом влекли их в заточение, несмотря на его просьбы; в то же время он ясно понимал свое верховное положение, ибо те же самые люди, которые не обращали на него никакого внимания, которые при нем били, обрывали людей к нему близких, при посольских приемах и других церемониях стояли пред ним как покорные слуги; видел он, как все преклонялось пред ним, как все делалось его именем и, следовательно, должно было так делаться; да и было около него много людей, которые из собственных выгод, из ненависти к осилившей стороне твердили, что поступки последней беззаконны, оскорбительны для него. Таким образом, ребенок видел перед собою врагов, похитителей его прав, но бороться с ними на деле не мог; вся борьба должна была сосредоточиться у него в голове и в сердце – самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человека борьба, особенно в том возрасте! Голова ребенка была постоянно занята мыслию об этой борьбе, о своих правах, о бесправии врагов, о том, как дать силу своим правам, доказать бесправие противников, обвинить их. Пытливый ум ребенка требовал пищи: он с жадностью прочел все, что мог прочесть, изучил священную, церковную, римскую историю, русские летописи, творения святых отцов. Но во всем, что ни читал, он искал доказательств в свою пользу; занятый постоянно борьбою, искал средств выйти победителем из этой борьбы, искал везде, преимущественно в Священном писании, доказательств в пользу своей власти, против беззаконных слуг, отнимавших ее у него. Отсюда будут понятны нам последующие стремления Иоанна, стремления, так рано обнаружившиеся, – принятие царского титула, желание быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском; Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически.

Но в то время как ум был занят мыслию о правах, дерзко нарушаемых, о средствах, как бы дать окончательное освящение этим правам, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своих борьбах не щадили друг друга, Иоанн привык не обращать внимания на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека. Пренебрегали развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, позволяли ему предаваться чувственным, животным стремлениям, потворствовали ему, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары в самые нежные, чувствительные места, оскорбляя память его родителей, позоря, умерщвляя людей, к которым он был привязан. От этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений в Иоанне развивались два чувства: презрение к рабам-ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, незаконно похитившим его права. Иоанн в ответном письме к Курбскому так говорит о впечатлениях своего детства: «По смерти матери нашей, Елены, остались мы с братом Георгием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего, умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи, иное и себе побрали; а сделал это дед твой – Михайла Тучков». Описавши поведение князей Шуйских относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бельского, двоих митрополитов, Иоанн про-

должает: «Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая, на куницах, да и те ветхи; так если б у них было отцовское богатство, то, чем посуду ковать, лучше б шубу переменить. Потом на города и села наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя; подчиненных всех сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами; думали, что правят и строят, а вместо того везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.